

Примечания

1. *Бестужев-Марлинский А. А.* Соч. В 2 т. М., 1958.
2. *Пушкин.* Полн. собр. соч. В 16 т. М., 1937—1949.
3. Русский архив. 1901. Кн. III.
4. *Халатов В.* «Жадно глядел я на библейскую гору...» О путешествии А. С. Пушкина в Армению // Вопросы литературы 1994. Вып. V.
5. *Тынянов Ю. Н.* Пушкин и его современники. М., 1968.
6. *Фомичев С. А.* Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986.
7. *Фризман Л. Г.* Жизнь лирического жанра. Русская элегия от Сумарокова до Некрасова. М., 1973.
8. Тифлиские ведомости. 1830, 26 февраля.

В. Г. МАРАНЦМАН
(Санкт-Петербург)

ТРАДИЦИИ ШЕКСПИРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Приверженность Пушкина Шекспиру, которого он называл «отцом нашим», была сыновней. Обычно Пушкин недолго ходил в учениках. Так было с Державиным и Жуковским, Вольтером и Байроном. Возникший после кризиса 1823 года интерес к Шекспиру у Пушкина стал неотступным. Пушкинисты давно и справедливо указывали на роль Шекспира в творческой эволюции поэта.¹ Общение с Шекспиром было признаком и стимулом движения Пушкина к реализму, демократизации его поэтической системы. «...Мудрено отъять у Шекспира в его «Отелло», «Гамлете», «Мера за меру» и проч. — достоинства большой народности», — писал Пушкин.²

«Народные законы драмы Шекспировой», о которых писал Пушкин в статье о «Марфе Посаднице», откровеннее всего сказались в «Борисе Годунове». Но и лирика, поэмы, проза, роман в стихах полны напоминаний о Шекспире. Не будем утомлять читателя перечислением многочисленных реминисценций из Шекспира в пушкинских текстах. Их обилие свидетельствует о внутренней близости английского драматурга и русского поэта в самой личной сфере творческого процесса — образности.

«Вот окна, из которых жизнь ушла», — говорит Шекспир о мертвом теле в «Ричарде III».

Описывая смерть Ленского в «Евгении Онегине», Пушкин пишет:

Теперь, как в доме опустелом,
Все в нем и тихо и темно;
Замолкло навсегда оно.
Закрывают ставни, окна мелом
Забелены. Хозяйки нет...

Шекспировский образ разветвляется и становится у Пушкина национально окрашенным.

«Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы» по образному строю и во многом по настроению оттаиваются от слов Макбета:

...Дотлевой огарок!
Жизнь — это только тень, комедиант;
Паясничавший полчаса на сцене
И тут же позабытый; это повесть,
Которую пересказал дурак:
В ней много слов и страсти, нет лишь смысла.

В «Каменном госте» Пушкина донна Анна «под ... вдовьим черным покрывалом» застывает, как изваяние над могилой командора, и Гуан, с трудом сдерживая восхищение, говорит:

Я только издали с благоговеньем
Смотрю на вас, когда, склонившись тихо,
Вы черные власы на мрамор бледный
Рассыплете — и мнится мне, что тайно
Гробницу эту ангел посетил.

В покорности памяти мужа донна Анна напоминает позу героини «12 ночи»:

«Она застыла, как покорность у надгробия».

Близость сравнений, которая, по словам А. А. Аникста, является «основой поэтической образности»,³ сопровождается сходством ситуаций произведений Пушкина и Шекспира и проявляет некую общность мироощущения поэта Возрождения и первого русского реалиста.

Размышления о смене времен и непрерывности нити жизни в человеческой памяти во «Вновь я посетил...» родственны словам графа Уорика в «Генрихе IV»:

Но в недрах настоящего таятся,
Как семена, зародыши вещей,
Их высидит и вырастит их время.

У Шекспира часто любовь испытывается силой родственных уз. Ромео убивает Тибальди, Гамлет — Полония.

.. «Врагам наследственным подобно», встречаются на дуэли Онегин и Ленский. Онегин убивает «брата» любящей его Татьяны, и в VII главе героиня Пушкина

испытывает смятение, отталкивание от возлюбленного, которое знакомо Джульетте:

Она его не будет видеть,
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего.

«Филиппевна седая» в III главе зовет Татьяну проснуться от любви, совсем как кормилица Джульетту:

О пташка ранняя моя!

Всех этих совпадений можно было бы и не замечать, если бы они не проявляли глубокой общности отношения к миру и человеку в творчестве Шекспира и Пушкина.

Пушкин, как и Шекспир, верит в добрую основу природы человека. Природа человека, проявленная совестью, неотрывна от добра. Поэтому даже леди Макбет боится прилива совести — природы: «Заприте входы для жалости, чтобы жестокий замысел мой не сорвала раскаяньем природа».

Призрак говорит Гамлету: «Коль есть в тебе природа — не потерпи!» Гамлет взывает к себе, боясь быть жестоким: «О сердце, не утрать природы!»

В этом смысле, пожалуй, наиболее показательно внутреннее родство трагедии Шекспира «Тимон Афинский» и «Скупого рыцаря» Пушкина. За «Тимоном Афинским» прочно закрепилась репутация исторической пьесы, в которой «конфликт обретает четкие социальные контуры».⁴ Глубину социального содержания шекспировской трагедии отмечал К. Маркс,⁵ В. Г. Белинский, говоря о реализме Шекспира, невольно продолжает мысли великого драматурга стихами пушкинских «Цыган»: «Люди обманули человека, который любил людей, надругались над его святыми чувствованиями, лишили его веры в человеческое достоинство, и этот человек возненавидел людей и проклял их... И вся эта ужасная, хотя и бескровная трагедия, ужасная даже в своей простоте, в своем спокойствии, готовится глупою комедией, отвратительною картиною, как люди обжирают человека, помогают ему разориться и потом забывают о нем, эти люди, которые

Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег и цепей.⁶

Наметим еще одну параллель между Шекспиром и Пушкиным, которая существенна для понимания первой из «Маленьких трагедий» — «Скупого рыцаря».

Словно забывая известные пушкинские слова о Шейлоке Шекспира, «Скупого рыцаря» часто превращают и в театре, и в литературоведении в историю о бессцельном скряге. Но это мотив газетного фельетона, а не трагедии.

Концепция «маленьких трагедий», созданная Г. А. Гуковским, полемически заострена против психологического толкования болдинских пьес как «этюдов, посвященных анализу страстей человеческих и общечеловеческих по преимуществу, скупости, зависти, любви».⁷ По мнению Гуковского, в «маленьких трагедиях» Пушкин приходит к выводу: все движения человеческой души «производны от среды». В этом контексте «Скупой рыцарь» толкуется как трагическое столкновение старых (рыцарственность) и новых (ростовщичество) форм общественного поведения и сознания в бароне Филиппе. И Альбер, и Барон «морально гибнут, втянутые в отвратительный водоворот жажды денег: прежде всего и больше всего гибнет Барон».⁸

Г. П. Макогоненко, вслед за Гуковским, утверждает, что в «Скупом рыцаре» «скупость как порок и тайная страсть... впервые в литературе объяснена условиями исторического и социального бытия человека».⁹ Но Макогоненко находит, что даже истолкование Гуковского «отличает некоторая тенденция к возвеличению Барона» и считает, что в «судьбе Барона нет прагматической коллизии».¹⁰ Для Альбера Г. П. Макогоненко находит почти сочувственные краски: «Скупость Альбера — не порок, не извращенная страсть, она вынуждается обстоятельствами», «душа юноши еще не развращена» ужасным веком «власти капитала».¹¹ Барону отказано в снисхождении: «Цинизм Соломона родственен цинизму Барона».¹² Вероятно, Г. П. Макогоненко хотел избежать однолинейности истолкований героев, объяснить жанр произведения, названного Пушкиным трагикомедией, но поразительна сама возможность столь «широкого» и прямо противоположного истолкования пушкинских героев.¹³

Снижение героя в «Скупом рыцаре» оборачивается нарушением трагической основы пьесы. Пушкин дал ей таинственный подзаголовок: «Сцены из ченстоновой трагикомедии». Читатели и исследователи творчества Пушкина, начиная с П. В. Анненкова и И. С. Тургенева, упорно и долго искали среди английских драматургов неведомого Ченстона. Полагали, что по близо-

сти фамилии Ченстон мог оказаться английским драматургом XVIII века Шенстоном «Современный английский ученый утверждает, что не только у Шенсто-на, но во всей английской литературе нет пьесы, кото-рая могла бы послужить источником пушкинской тра-гедии»¹⁴ Так ли это?

На наш взгляд, близость «Скупого рыцаря» к шек-спировской школе подчеркнута даже профилем знаме-нитого драматурга на заглавном листе пьесы «Траги-комедия» Пушкина, действительно, развивает мотив трагедии Шекспира «Тимон Афинский», странно, что это не было замечено до сих пор Пушкин мог читать эту трагедию Шекспира еще в библиотеке Воронцова,¹⁵ так как в первые месяцы пребывания в Одессе доступ к собранию сочинений английского драматурга, содер-жащему «Тимона Афинского», был для него открыт¹⁶ Сюжет Шекспира в целом далек от «Скупого рыцаря»

Разоренный собственной щедростью Тимон сталки-вается с человеческим равнодушием, неблагодарностью Вчерашние его друзья, искавшие его покровительства, пока Тимон был богат, отвернулись от него. Покинув Афины, Тимон живет в лесу и находит в пещере клад, который мог бы вернуть ему и положение, и людей, раньше окружавших его Однако Тимон, вопреки уго-ворам Апенанта, не хочет этого сделать

Вот реплики их спора о золоте, которое, по мнению Апенанта, напрасно скрыто в пещере Тимона:

А п е н а н т.

Какой же смысл в нем здесь?

Т и м о н.

Большой и важный

Оно тут спит и злу не служит

Барон Филипп у Пушкина, ссылая золото в сундук, замуровывал его в подвал, руководствуется почти тем же мотивом:

Ступайте, полно вам по свету рыскать,

Служа страстям и нуждам человека

Усните здесь сном силы и покоя,

Как боги спят в глубоких небесах¹⁷

Для Тимона Афинского, как и для барона Филиппа, золото оказывается способным исказить человеческую природу, свершить противоестественные превращения

...О небо,
 Тут золота достаточно
 вполне,
 Чтоб черное успешно
 сделать белым,
 Уродство — красотою,
 зло — добром,
 Трусливого — отважным,
 старца — юным,
 И низость —
 благородством

О ты, приветливый
 цареубийца,
 Орудье распри
 меж отцом и сыном

Ты, видимое нами
 божество,
 Несовместимого
 соединитель.

Лишь захочу —
 воздвигнутся чертоги;
 В великолепные мои
 сады
 Сбегутся нимфы резвою
 толпою;
 И музы дань свою
 мне принесут
 И вольный гений
 мне поработится.
 И добродетель
 и бессонный труд
 Смирненно будут ждать
 моей награды
 Я свистну, и ко мне
 послушно, робко
 Вползет окровавленное
 злодейство
 И руку будет мне
 лизать, и в очи
 Смотреть, в них знак
 моей читая воли.

Опираясь на мысль шекспировской трагедии, Пушкин показывает, как золото стало «орудьем распри меж отцом и сыном», как оно исказило человеческую природу в бароне Филиппе. Пушкин — наследник гуманизма эпохи Возрождения. Он знает, что «человеческая природа, в самом гнусном своем уничижении, все еще сохраняет благоговение перед понятиями, священными для человеческого рода» («О записках Видока», 1830).

Пушкин берет Шекспира в «отцы», так как в творчестве великого английского драматурга были преодолены крайние стороны буржуазного индивидуализма, свойственного эпохе Возрождения от Лоренцо Вилла до Ф. Бэкона. Кризис Возрождения заставил Шекспира сомневаться в том, что личность — «исходный пункт» истории и системы ценностей жизни. Шекспир «показал, что свобода воли, о которой говорил Яго, ведет к аморализму... Человек и не может быть счастливым, если он причинил зло людям, — таков вывод, который явствует из трагедий Шекспира. Именно поэтому все

злодеи в его трагедиях не добивались счастья, хотя и осуществляли свои эгоистические замыслы».¹⁸

Шекспировские герои постоянно размышляют о совести. Для Ричарда III «совесть — слово, созданное трусом, чтобы сильных напугать и остеречь. Кулак нам — совесть, и закон нам — меч». Однако этическое своеволие Ричарда III, по мысли Шекспира, противно природе человека. Шекспир, как и Пушкин, верил в добрые начала человеческого «естества». Совесть — в природе человека. Это убеждение Шекспира было для Пушкина живым. Недаром слова Барона о совести («Когтистый зверь, скребущий сердце, совесть, заимодавец грубый, эта ведьма, от коей меркнет месяц и могилы смущаются и мертвых высылают...») И. С. Тургеневу показали шекспировскими и по поэтической силе, и по смыслу образцами. Н. С. Лернер нашел соответствие им в «Макбете».¹⁹ Общность художественной системы Пушкина и Шекспира проявлялась в поэтической реализме, который не располагал к натуралистической конкретности. Когда Лауренс Оливье в фильме «Отелло» увлекся стремлением этнографически точно воплотить «мавра», актер разрушил трагедию, передав духовное лидерство Яго. То же происходит, когда Барона играют, как Плюшкина. У Гоголя иная степень конкретизации образа, иное соотношение вечного и сиюминутного в образе героев. Пушкин видит, что «природа человеческая, всегда несовершенная» («О народной драме и драме «Марфа Посадница», 1830), что природа расходится с идеалом. И потому для поэта «описывать слабости, заблуждения и страсти человеческие не есть безнравственность, так как анатомия не есть убийство» («Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme», 1831).

В «Опытах драматических изучений» Пушкин устанавливает разность между прекрасными возможностями человека, добром его природы и искажениями души, которые объясняются не только злом обстоятельств, но бескрайностью своеволия, когда личность свои желания делает единственным законом поведения. Это противоречие между высокой возможностью и низким проявлением личности в «Скупом рыцаре» осознается одновременно как ужасное, трагическое и как нелепое, комическое.

Примечания

1. *Покровский М.* Шекспиризм Пушкина // Пушкин. Спб., 1910. Т. IV. *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. — Л., 1929; *Спаский Ю. А.* Пушкин и Шекспир // Пушкин. Сравнительно-историческое исследование. — Л., 1972; *Урнов Д. М.* Пушкин и Шекспир. — М., 1966; *Левин Ю. Д.* Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина. // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1974. Т. VII.
2. *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10-ти тт. — М., 1981. Т. VI. С. 26.
3. *Аникст А. А.* Ремесло драматурга. — М., 1974. С. 267.
4. Там же. С. 514.
5. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Об искусстве. Т. I. М., 1957. С. 168.
6. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. I. М., 1953. С. 290—291.
7. *Гуковский Г. А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М., 1957. С. 298.
8. Там же. С. 318.
9. *Макогоненко Г. П.* Творчество А. С. Пушкина в 1930-е годы. — Л., 1974. С. 203.
10. Там же. С. 204—205.
11. Там же. С. 207.
12. Там же. С. 209.
13. См. в связи с этим статьи *В. Непомнящего* «Симфония жизни» (Вопросы литературы. 1962. № 2), «Сегодня, здесь, сейчас!» (Вопросы литературы. 1963. № 10).
14. *Порудоминский В. И., Эйдельман Н. Я.* Болдинская осень. — М., 1974. С. 255.
15. См.: *Алексеев М. П.* Пушкин в библиотеке Воронцова // Пушкин. Статьи и материалы. Одесса. 1926.
16. В библиотеке Воронцова в восьмитомном и в четырнадцатитомном собрании Шекспира есть текст «Тимона Афинского».
17. *А. К. Жолковский* считает, что покой, в котором есть возможность движения, был притягателен для Пушкина. «Пушкин здесь отдает Барону свои заветные мысли» // К описанию связанного текста. Ч. I. М., 1976. С. 30.
18. *Сопрыкин Ю. М.* Об этических взглядах Шекспира // Вестник МГУ. 1973. № 6. С. 52, 64.
19. *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. (О «Скупом рыцаре»).

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Г. С. СКОВОРОДЫ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИК

к 60-летию
ЛЕОНИДА ГЕНРИХОВИЧА
ФРИЗМАНА

Харьков
1995